

УДК 004.896
ББК 32.816
О-11

To Be a Machine: Adventures Among Cyborgs, Utopians, Hackers,
and the Futurists Solving the Modest Problem of Death
by Mark O'Connell

О'Коннелл, Марк.

О-11 Искусственный интеллект и будущее человечества / Марк О'Коннелл ; [перевод с английского М. Кудряшова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 272 с. — (Top Business Awards).

ISBN 978-5-04-092453-0

Книга о том, как биохакаеры, трансгуманисты, ученые и миллиардеры пытаются решить проблему смерти с помощью технологий и искусственного интеллекта. Вы узнаете, насколько мы близки к возможности существовать вечно в виде кода, почему Илон Маск считает искусственный интеллект «величайшей экзистенциальной угрозой», какие апгрейды доступны нам уже сейчас и как искусственный интеллект поможет исполнить самую заветную мечту человечества – бессмертия.

УДК 004.896
ББК 32.816

ISBN 978-5-04-092453-0

© Mark O'Connell, 2016
© Кудряшова М., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Эми и Майку, за всё

В этом вся суть технологии. С одной стороны, пробуждает стремление к бессмертию, с другой – может стать причиной всеобщего вымирания.

Технология – вождение, отнятое у природы.

Дон Делилло, «Белый Шум»

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава 1</i> СИСТЕМНЫЙ СВОЙ	9
<i>Глава 2</i> ВСТРЕЧА	19
<i>Глава 3</i> ПОСЕЩЕНИЕ «АЛЬКОРА»	31
<i>Глава 4</i> ОБЫГРАТЬ ПРИРОДУ	53
<i>Глава 5</i> КРАТКАЯ ЗАМЕТКА О СИНГУЛЯРНОСТИ	82
<i>Глава 6</i> РАЗГОВОР ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ РИСКЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	89
<i>Глава 7</i> О ПЕРВЫХ РОБОТАХ	119
<i>Глава 8</i> ВСЕГО ЛИШЬ МАШИНЫ	123
<i>Глава 9</i> БИОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	151
<i>Глава 10</i> ВЕРА	180
<i>Глава 11</i> ПОЖАЛУЙСТА, РЕШИ ПРОБЛЕМУ СМЕРТИ	200
<i>Глава 12</i> ГРОБ НА КОЛЕСАХ ДЛЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ	217
<i>Глава 13</i> МЫСЛИ О НАЧАЛЕ И КОНЦЕ БЛАГОДАРНОСТИ	256
ОБ АВТОРЕ	263

СИСТЕМНЫЙ СБОЙ

МНОГИЕ РАССКАЗЫ ПОВЕСТВУЮТ О КОНЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. МЫ ЛЮБИМ придумывать сюжеты на эту тему, потому что смертны. Все эти истории мы рассказываем в стремлении покинуть человеческое тело, стать не просто животными, а чем-то большим. В древнейших повествованиях мы видим шумерского короля Гильгамеша: потрясенный смертью друга и не желающий принять такую же судьбу, он отправляется на край земли в поисках эликсира бессмертия. Если коротко — все оказалось бесполезно. Позднее мы видим мать Ахиллеса, погружающую сына в воды Стикса в стремлении сделать его неуязвимым. Что тоже, как известно, не сработало.

То же было и с Дедалом и его самодельными крыльями.

И с Прометеем, укравшим божественный огонь.

Мы, люди, существуем на обломках воображаемого великолепия. Так не должно было случиться: мы не могли и помыслить о том, чтобы быть слабыми и стыдливými, чтобы страдать и умирать. У нас всегда были высокие представления о своем предназначении. Все это: райский сад, змей-искуситель, запретный плод, изгнание — фатальная ошибка, сбой в системе. Мы пришли в этот мир, чтобы пройти по пути грехопадения, по пути искупления. Такова, по крайней мере, одна из христианских версий нашего существования. Этой точкой зрения мы в какой-то степени объясняем самим себе, что несем ответственность за такую несправедливость — свою противоестественную природу.

«Человек, — писал Эмерсон, — это рухнувшее божество».

Религия, так или иначе, берет свое начало от подобного божественного падения. А наука как ее ненавистная сводная сестрица относит саму себя к некоторой животной неудовлетворенности. В статье «Условия бытия человека» (The Human Condition), написанной в связи с запуском СССР первого искусственного спутника Земли, Ханна Арендт поделилась возникшим чувством эйфории от прорыва, названного в одной из газет того времени окончанием «человеческого заточения на Земле». Это же стремление к прорыву, как она пишет, проявилось в попытке создать в лаборатории путем манипуляций с генетическим материалом сверхчеловека, чтобы расширить естественную человеческую жизнь далеко за пределы нынешних возможностей. «Человек Будущего, — написала Ханна, — как обещают ученые, будет создан не позднее, чем через сто лет. Судя по всему, он будет одержим борьбой против первозданной человеческой сущности — дара из ниоткуда, который он желает заменить, если можно так выразиться, на что-то рукотворное».

«Борьба против первозданной человеческой сущности» — в качестве характеристики эта фраза подходит к любой из следующих глав, где я попытаюсь кратко изложить и охарактеризовать побуждения людей, с которыми познакомился, пока писал книгу. Такие люди в основном отождествляют себя с движением, известным как трансгуманизм, — концепцией, основанной на необходимости использовать технологии, чтобы контролировать эволюцию своего вида. Трансгуманисты верят, что мы можем и должны искоренить старение как причину смерти; что мы можем и должны использовать технологии, чтобы укрепить наши тела и расширить наш разум; что мы можем и должны, наконец, слиться с машиной, переделывая самих себя в соответствии с нашими собственными более высокими идеалами. Они, эти люди, желают заменить дар природы на нечто лучшее — на нечто, сделанное человеком. Удастся ли нам это, еще только предстоит узнать.

Я не трансгуманист. Это, вероятно, вам уже очевидно. Но мое увлечение этим движением, его идеями и его целями строится на основополагающей симпатии к его принципу, что первоизданная человеческая сущность — отнюдь не близкая к оптимальной система.

В абстрактном смысле — это как раз то, что, как я всегда верил, произойдет. Однако сразу же после рождения сына я почувствовал это на интуитивном уровне. Когда я в первый раз взял его на руки три года назад, меня охватило чувство уязвимости его крохотного тельца — тельца, которое только что появилось, кричащее и дрожащее, густо смазанное кровью, из трясущегося тела его матери — тела, которое испытало множество часов фантастических страданий и перенапряжения, чтобы доставить малыша в этот мир. «В боли будешь рожать детей» (Бытие, 3:16). Я не мог не думать о том, что система могла бы быть лучше. Не мог не думать о том, что на столь позднем этапе мы должны быть вне всего этого.

Что вам, новоиспеченному отцу, ерзающему на стуле родильного отделения рядом со своим спящим младенцем и его матерью, точно не стоит делать — так это читать газету. Я прочитал и пожалел. Сидя в Национальном родильном доме в Дублине, листая страницы *The Irish Times*, с постепенно нарастающим ужасом просматривая каталог человеческих пороков: массовых убийств и изнасилований, случайной жестокости и жестокости, носящей системный характер, — осколков сообщений падшего мира, я задался вопросом, насколько целесообразно втягивать ребенка в такой беспорядок, созданный нашим видом (припоминаю, что тогда я был слегка простывшим, что не делало ситуацию лучше).

Среди многих других последствий рождение ребенка заставляет задуматься о природе проблемы, которая во многом является как раз проблемой природы. Наряду с другими ужасами и пороками более широкого человеческого контекста, реалии старения, болезней и смертности внезапно становятся неотвратимыми. Или, по крайней мере, стали таковыми для меня.

И для моей жены, чье существование было гораздо более тесно связано с нашим сыном в те первые месяцы. Она сказала тогда мне слова, которые я никогда не забуду: «Если бы я узнала, насколько сильно я его люблю, я не уверена, что решилась бы на это». За неимением лучших условий человеческого существования мы принимаем эту физическую немощь, эту незащищенность и ранимость человеческого тела.

«Прах ты и в прах возвратишься» (Бытие, 3:19).

Оглядываясь в прошлое, я думаю, что момент, когда десять лет назад я впервые столкнулся с идеей, которая до сих пор занимает мои мысли, не был случайным. Я стал размышлять, что такое состояние человечества может и не быть неизбежной судьбой — от него, как от близорукости или оспы, возможно избавиться благодаря вмешательству человеческой изобретательности. Кроме того, я всегда был увлечен легендой о грехопадении и понятии первородного греха, ведь они отражают чрезвычайно глубокую правду о превратности нашего бытия: о невозможности принять самих себя и о способности верить в искупление.

Раньше в погоне за этой навязчивой идеей, устремлением, которое на тот момент еще не вышло за пределы Интернета в так называемый реальный мир, я натолкнулся на странный и провокационный текст, озаглавленный «Письмо к Матери-Природе». Как и предполагает название, это своего рода эпистолярный манифест, обращенный к антропоморфной фигуре, — для большей ясности, к той, которой часто приписывают создание мира и природы и покровительство над ними. Начинается этот пассивно-агрессивный текст с благодарности Матери-Природе за ее, по большей части, основательно проделанную работу над проектом человечества вплоть до нашего времени и воспитания нас от простых самовоспроизводящихся организмов до многоклеточных млекопитающих, способных к самосознанию и сопереживанию. Затем тон письма плавно меняется на обвинительный, и автор вкратце излагает некоторые наиболее очевидные моменты некачественного функционирования рода

Homo sapiens — среди них уязвимость к болезням и травмам, смертность, способность жить только в определенных условиях окружающей среды, ограниченная память, заведомо слабый самоконтроль.

Автор, обращаясь к Матери-Природе от имени коллективного разума ее «амбициозных человеческих потомков», предложил в общей сложности семь поправок к «человеческой конституции». Мы больше не согласимся жить под тиранией старения и смерти и при этом будем использовать биотехнологии, чтобы «вооружить себя повышенной выживаемостью и ликвидировать старение». Мы усовершенствуем наши познавательные способности и проницательность посредством технологических улучшений органов чувств и нейронных возможностей. Больше мы не будем мириться с волей слепой эволюции — скорее мы будем «стремиться к исчерпывающему набору телесных форм и функций, совершенствуя и укрепляя физические и интеллектуальные способности, делая их выше, чем у любого человека в истории». Мы больше не будем довольствоваться ограничениями своих физических, интеллектуальных и эмоциональных способностей, сохранившихся от углеродных жизненных форм.

Это «Письмо к Матери-Природе» было самым ярким и провокационным заявлением о трансгуманистических принципах из тех, с которыми я сталкивался, его эпистолярная самонадеянность затронула во мне что-то весьма важное, сделав это движение таким необычным и убедительным для меня. Такие прямолинейность и дерзость подтолкнули гуманизм эпохи Просвещения к радикальным крайностям, которые грозили уничтожить движение полностью. Я словно ощущал некоторый аромат безумия всей этой истории — такого безумия, которое отражало нечто основополагающее об истоках всего. Как я узнал, письмо было работой человека, широко известного в профессиональных кругах, — Макса Мора — оксфордского философа, одной из ключевых фигур трансгуманистического движения.

Не было никого, как я понял, кто бы принял канонический вариант трансгуманизма, но чем больше я читал о нем и чем

больше узнавал его последователей, тем больше понимал, что трансгуманизм основан на механистическом взгляде на человеческую жизнь: человеческие существа — это устройства, и наш долг и наша судьба — стать лучшими версиями себя: более эффективными, более мощными, более полезными.

Мне бы хотелось понять, что значит думать о себе и, в более широком смысле, о человеческом виде в таких инструменталистских терминах. И мне бы хотелось узнать более специфические моменты: например, как можно стать киборгом, как можно загрузить свой разум в компьютер или какое-то другое устройство, чтобы существовать вечно в виде кода. Я хотел бы узнать, что означает подумать о себе как о ни больше ни меньше сложном информационном паттерне, как о коде; что роботы могут рассказать нам о понимании самих себя и об устройстве нашего тела; что оправдается с большей долей вероятности надежда на искусственный интеллект или уничтожение человечества. Я хотел бы узнать, каково это — иметь веру в технологию, достаточную, чтобы не сомневаться в перспективе собственного бессмертия. Я хотел бы узнать, что значит быть машиной или думать о себе как о таковой.

И, уверяю вас, на своем пути я пришел к некоторым ответам на поставленные выше вопросы. Но, должен сказать, в процессе расследования «что значит быть машиной» я оказался сбит с толку гораздо больше, чем когда пытался понять, что значит быть человеком. Поэтому более целеустремленных читателей следует предупредить, что данная книга — настолько же исследование всей этой неясности, насколько и анализ полученных знаний.

В широком смысле трансгуманизм — это освободительное движение, выступающее ничуть не меньше, чем за полное освобождение от самой биологии. Есть другой взгляд на этот счет: равнозначная противоположная интерпретация, которая заключается в том, что такое кажущееся освобождение в действительности есть не что иное, как окончательное и полное порабощение технологиями. По мере погружения в тему мы будем брать во внимание обе стороны этой дихотомии.

Несмотря на крайности некоторых целей трансгуманизма — например, слияние технологии и тела или загрузка разума в машину — вышеупомянутая дихотомия, как мне кажется, выражает нечто основополагающее о нашем времени, в котором мы систематически наблюдаем, как технологии меняют все к лучшему, и признаем, что приложения, или платформы, или устройства делают мир немного удобнее. Если у нас есть надежда на будущее, если мы думаем, что у нас есть будущее, то это во многом основывается на том, чего мы можем добиться с помощью наших машин. В этом смысле трансгуманизм — это усиление существующей тенденции, уже присущей большей части того, что мы называем массовой культурой, в том, что мы вполне можем с таким же успехом назвать капитализмом.

Неизбежная реальность вышеупомянутого момента в истории заключается в том, что мы с нашими технологиями возглавляем огромный проект по уничтожению, беспрецедентному разрушению мира — мира, который мы вдруг стали считать своим. Планета, как нам говорят, входит в шестое массовое вымирание: еще одно грехопадение, еще одно изгнание. Кажется, слишком поздно в этом раздробленном мире говорить о будущем.

Таким образом, к трансгуманизму меня привлекла парадоксальная сила его анахронизма. Несмотря на то, что трансгуманизм представляется решительно ориентированным на видение мира будущего, почти ностальгически вспоминается человеческое прошлое, в котором радикальный оптимизм казался вполне жизнеспособной позицией по отношению к будущему. В том будущем, которого трансгуманизм с нетерпением ожидает, он так или иначе всегда будет обращен в прошлое.

Чем больше я узнавал о трансгуманизме, тем больше осознавал, что при всей своей очевидной крайности и странности он тем не менее оказывает определенное формирующее давление на культуру Силиконовой долины и на представление технологий в мировой культуре в целом. Влияние трансгуманизма ощутимо в фантастической приверженности многих технических предпринимателей идее радикального продления жизни —